

Независимая газета. - 02.09.2014

Алексей Малашенко

Эгоизм элиты и иррациональность ее политики

Номенклатуре в принципе безразлично, какой должна быть Россия, им важно, чтобы она их устраивала

http://www.ng.ru/ng_politics/2014-09-02/11_elite.html

Стратегия элиты сводится к тому, чтобы уцелеть, избавиться от политических сдвигов, сопровождающихся переделом собственности, и успеть передать накопленное детям. Или даже внукам. Фото Reuters

Слово «элита» сегодня синонимично понятию «правлящий класс», а еще конкретнее – определению «постсоветская буржуазная номенклатура». Главное отличие постсоветской номенклатуры от ее советской прародительницы – наличие необъятной собственности. Причем обладание этой собственностью полностью узаконено. Собственность, а значит, благополучие каждого данного члена номенклатуры полностью зависит от его политического поведения. Он должен быть лоялен системе и, следовательно, ее главе, в данном случае Владимиру Путину.

В свою очередь, Путин сегодня наиболее удобен номенклатурному большинству – и с точки зрения своего профессионального происхождения, и с точки зрения его психологии. Президент крайне амбициозен в геополитике и осторожен в политике внутренней, в том числе в своих отношениях с номенклатурной верхушкой. Он правильно понимает своих соратников, он их чувствует. Для них он не ОН (как Сталин), не хозяин, но прежде всего идеально подошедший к механизму правящей машины приводной ремень. Они его, конечно, побаиваются, но добровольно ложатся под его «карающий нож» и гибнуть с криками «да здравствует!», как это делали верные сталинцы, никто не станет. «Верные путинцы» – это нечто эфемерное. Они знают цену своему начальнику. Он для них – максимум «альфа-самец» или «бэтмен», особенно если сравнить его с экс-президентом Дмитрием Медведевым («Робин Гуд»). Что бы сделал с такими шутниками Сталин, и подумать страшно.

У постсоветской номенклатуры нет взвешенной политической доктрины, тем более национальной идеи. Для формирования таковой одной бесшабашной и просто глупой ксенофобии мало. Недостаточно и скороспелых и конъюнктурных тезисов-лозунгов, которые официальная пропаганда периодически впаривает в размякшее общественное сознание.

Да и верят ли сами нынешние политики и обслуживающие их эксперты в то, что сами говорят?! Про «вставание с колен», «суверенную демократию», про «газовую державу»? А кто верит в этот самый национальный путь развития пополам с православными ценностями, который выведет Россию в великие державы? Рассуждения

Русской православной церкви на тему, что экономическая блокада будет способствовать созданию новой системы на основе ценностей «русской цивилизации», вызывают невольную улыбку, правда, горькую. На национальном пути развития производительность труда не возрастает, и исконные ценности – не лучший материал для передовых технологий. А ведь без них «вставание с колен» обратится в «приседание». Люди, нажившие себе миллиардные и миллионные состояния, президенты банков и госкорпораций и прочие над всем этим ржут, пусть и в кулак.

Стратегия сводится к тому, чтобы уцелеть, избавиться от политических сдвигов, которые сопровождаются переделом собственности, и успеть передать накопленное детям и даже внукам. Наследникам же вообще будет глубоко наплевать на «эту страну», то есть на Россию. Номенклатуре в принципе безразлично, какой должна быть Россия, им важно, чтобы она их устраивала. А устраивать их может только жесткий авторитарный режим, ибо все прочее может привести к отстранению их от кормила власти. Они испытывают перед майданами и оранжевыми революциями личный страх, страх за собственную шкуру.

Элита постоянно работает над тем, чтобы уцелеть. И тут большая надежда на национализм, к которому Кремль и апеллирует. Правда, к какому – пока непонятно. Нормального российского государственного, так сказать, «позитивного национализма» пока что нет и даже не предвидится. Не принимать же всерьез «неоевразийство», которое чем дальше, тем нелепее. Сопоставимый же с ним имперско-советский национализм затрудняет отношения России с ближним зарубежьем, которое по мере роста гегемонистских амбиций Москвы превращается в дальнее, а некоторые бывшие советские республики – в совсем уже дальнее зарубежье.

На Совете по межнациональным отношениям Путин говорил об опасности «вируса национализма», одновременно отметив необходимость «повышать качество реализации госпрограмм патриотического воспитания». Однако на деле российская власть этот национализм сама же и поощряет. Ведь национализм – наиудобнейшая мобилизационная идеология при строительстве мобилизационной политико-экономической системы, которую Кремль и выстраивает. Только при этом национализм а) должен быть послушен власти, так сказать, инструментален и б) подаваться в обертке патриотизма, то есть любви к родине. При этом он представляется как любовь не просто к родине, но именно к тому ее имиджу, который уже почти полтора десятка лет культивируют номенклатурные идеологии, включая номенклатурно-православные. Любовь к родине должна отождествляться с любовью к начальству, и отечество таким образом приравнивается к его превосходительству.

Послушный национализм обеспечивается наличием необходимого врага, против которого его и направляют. Таким врагом является Запад. Кстати сказать, по мере усиления антивестернизма менее заметной стало кавказофобия и мигрантофобия. Хотя вряд ли утверждение внешних фобий приведет к искоренению (этно)фобий внутренних. Решение вопроса о межэтнических и межрелигиозных отношениях в российском обществе в ближайшее время не предвидится.

В контексте своих эгоистических устремлений номенклатура выстраивает и свою внешнюю политику. Антизападнический курс работает на удержание власти. И уж конечно, как нельзя кстати пришелся украинский кризис. На него и его последствия можно списать все – а особенно экономические трудности. Украина дала возможность утвердить мобилизационную модель (чуть было не сказал – развития) стагнации, жертвы которой население положит на алтарь спасения крымско-донецких братьев, а также во имя укрепления обороноспособности. Деньги на вооружение берутся не из воздуха, а из соседних мирных бюджетов на культуру, образование, медицину, заодно и из повышения налогов. Министр финансов Антон Силуанов (интересно, как бы повел себя в этой

ситуации его предшественник Алексей Кудрин?) заявляет, что повысить пенсионный возраст необходимо для получения дополнительных средств для инфраструктуры, под которыми ныне понимается в том числе развитие Крымского полуострова. Конечно, деньги на это можно попросить у Иосифа Кобзона или Валерии (реклама колготок в метро ей кое-что принесла), но зачем обижать великих? Крым, по выражению экономиста Алексея Полухина, спишет все. Как и Чечня, как и борьба против терроризма, добавлю от себя. И многие, кто вовлечен в эти проблемы, со мной согласятся.

Тем временем геополитику Москва проигрывает. Парадоксальным образом это заметно на примере БРИКСа, на который Путин делает сегодня особую ставку. Индия и Бразилия – демократические государства, о чем свидетельствует периодическая смена в них президентов и премьеров. Они не видят себя противниками США и Запада. БРИКС, если он вообще состоится – а состоится он ох как не скоро, – будет экономическим, финансовым, а отнюдь не политическим полюсом. Путинская мечта превратить БРИКС в антипод Америке – инфантильная утопия. Озлобленность и подчеркнутый антивестернизм Кремля в этой организации неуместны, даже неприличны.

Да, Россия способствовала созданию Нового банка развития с начальным капиталом в 50 млрд долл. и резервного валютного пула в 100 млрд долл. Путин мечтает о создании на базе БРИКСа некой «энергетической ассоциации» (невольно вспоминается провал «газового ОПЕКа»), но все это смотрится скороспело и неуклюже. Как отмечают специалисты, «де-факто БРИКС... это альянс, в котором каждая страна-участник имеет повышенные шансы продвигать свои частные национальные интересы... имея общую пассивную поддержку со стороны малоинтересованных партнеров...».

Похоже, что творцы российской внешней политики временами воспринимают БРИКС как своего рода «большое постсоветское пространство», на котором Россия может сыграть роль некоего негласного полулидера. Кремль буквально помешан на достижении лидерства, в чем легко усматривается еще один рудимент советизма. А ведь это не всегда удается даже в такой конторе, как Евразийский союз. Ни Беларусь, ни Казахстан не намерены следовать, тем более полностью подчиняться российской политике. Они, особенно Казахстан, оторопевший от российских действий в Украине, тем более продолжают руководствоваться в первую очередь своими национальными интересами.

Ранее имитировать еще один полюс России хотелось бы и через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Планы по ее расширению с включением туда Индии, Пакистана и Афганистана и т.д. еще совсем недавно посверкивали в головах некоторых московских политиков. Однако политизация ШОС, превращение ее в «антиполюс» не встречает понимания в Пекине. Умным китайцам этого не надо, и вообще они предпочитают выстраивать свои отношения с Америкой на двусторонней основе.

Приобщаясь к полюсам, Россия намекает, что она остается ядерной сверхдержавой. И в случае «большого конфликта» ее оружие превращается едва ли не в главный геополитический фактор. Чувство холодной войны греет кремлевские души. В этом усматривается комплекс неполноценности, боязнь оказаться лилипутом, пусть и дерзким – с ядерным кинжалом в зубах. Сейчас в определенных кругах стало модным рассуждать о том, что нынешняя ситуация в каком-то смысле смахивает на предвоенную, чем-то даже похожую на 1914 год. Дескать, напряжение достигло такого уровня, что вот-вот начнется... Но, простите, сколько раз после 1945 года ситуация оказывалась перенапряженной – корейская война 50-х, а Суэцкий конфликт 1956 года, а Карибский кризис в 1962-м, а Афганистан в 1979 году? А были еще и восстания в ГДР и Венгрии, оккупация Чехословакии, Вьетнам....

Кому-то хочется с головой окунуться в холодную войну, поплавать с ядерным аквалангом. Увы, российская атомная бомба БРИКСом не востребована. Что нужно, чтобы

«бриксы» изменили свое мнение? Напрягаем мозги и соображаем – нужна провокация. Причем не какая-нибудь мелочь, а что-то действительно глобальное. Вот если бы Китай всерьез сцепился с Америкой... Но об этом можно только мечтать.

Пока же ширится «хунвэйбинизация» населения. Общество, как в незабытые сталинские времена, готово проводить митинги под лозунгами типа «раздавить троцкистскую гадину», «смерть бухаринским фашистским шпионам», «уничтожить врачей-убийц». Припоминается негодование народных масс против «литературного власовца» Солженицына. Правда, фигур типа Бухарина и Троцкого сегодня не наблюдается. Однако есть немало лиц, на которых всегда можно опробовать градус ярости народных масс. Жажда превратить НПО в «иностранных агентов» давно зашкаливает.

О телепропаганде говорить не стоит. Но все же обратите внимание на лица аналитиков-пропагандистов. Те, кто поумнее и, скажем, чуть попорядочнее, выглядят нашкодившими школярами. Оправдывая официальный курс, они и сами хотят оправдаться. На более простоватых лицах тех, кто искренне в этот курс верит, печать рефлексии не замечена. Есть еще и третий вариант выражений лиц тех, кто ведает, как сажали во власть Януковича (и даже сподобились поучаствовать в этом), кто информирован, как и кем проплачивался «Правый сектор», как разыгрывалась карта «украинского фашизма», кто знает правду о сбитом «Боинге». Этим отступать некуда. Тайны российской политики в Украине они не выдадут никогда. И тех, и других, и третьих можно назвать пофамильно. Но стоит ли? Один из этой третьей, компетентной категории в 2006-м сказал автору этих строк: «Ты что думаешь, мы не знали, как надо правильно действовать в Украине? Знали. Но нам сказали – надо вот так». В конце концов и получили Януковича. Кто сделал на него глупейшую ставку, объяснять поздно и бесполезно. «Ну что ты от него хочешь?» – пожимали плечами и тыкали пальцем вверх профессиональные (и пьющие, а у нас это признак честности и рациональности) негласные советчики президента. Хоть бабки хорошие за это платили.

Внешняя политика превратилась в инструмент политики внутренней и служит предлогом для закручивания гаек. Теперь же внутреннее состояние общества подстегивает внешний милитаризм. Круг замкнулся. Ура, товарищи!!!

Что дальше?

1. Эволюция новономенклатурной властной системы невозможна.
2. Революция против нее в ближайшее время тоже невозможна.
3. Вероятнее всего, Россия останется пребывать в долгой мучительной стагнации под аккомпанемент каменеющего и одновременно ржавеющего авторитаризма.
4. Стагнация через некоторое количество лет может привести, нет, не к оранжевой революции, но к «русской весне». Проблема в том, что последствия такой весны будут арабскими – поиграв в революцию, Россия в очередной раз возжелает очередного отца наций. Ну... и т.д.

Наблюдая за всем происходящим, западная часть мира стремится постепенно избавиться от России. Нынешние санкции – тому подтверждение. Занавес будет не железный, но духовный, что еще хуже. Следующий германский канцлер вряд ли будет относиться к «вечному Путину» столь же нежно, как нынешняя канцлерин. На восточном же фланге Россию будут воспринимать как неудачницу, которой можно навязывать свои условия партнерства. В многополюсном мире Россия обречена на второ-третьестепенную роль.

Этот процесс уже стартовал (необратимо ли?), и чем дальше, тем больше негативные тенденции и внутри России, и вокруг нее будут усиливаться. В общем, тем, кто «доживет до понедельника», я не завидую.